

Когда У Сисчунь с весёлым оживлением переступил порог Павильона Слушания Дождя, Ци Хэли лежал на камнях усадебного альпинария, лениво покусывая травинку. Начиналось лето. В густеющей зелени звенели цикады. Последние дни Хэли чувствовал себя как-то странно: то его распирало от дикой, бурлящей энергии, которую не мог усмирить даже десяток кулачных комплексов, то вдруг одолевала сонная апатия, а в груди селилась смутная, бесприютная тоска. Он и сам не понимал, откуда она берётся, а уж поделиться этим чувством ему было совершенно не с кем.

Поглаживая пальцами золотую гривну на шее, он задумчиво следил за лениво плывущими облаками. Летнее солнце ласкало кожу, убаюкивало, погружая в сонную одурь, но в этих зыбких грёзах он всё гадал: пройдёт ли кто-нибудь вновь там, за садовой стеной?

— Второй брат!

Звонкий детский голосок бесцеремонно прогнал дрёму. Малыш Лао Сань, ещё даже не начавший толком учиться, стоял у подножия каменной горки и, сложив ладони рупором, изо всех сил кричал:

— Поймай мне сверчка! Ну поймай сверчка, я хочу поиграть!

Ци Хэли и не думал откликаться. Он лишь плотнее прикрыл глаза, притворяясь спящим, но мелкий упрямец не желал отставать. С каждым разом его вопли становились всё оглушительнее, и в конце концов мальчишка, неловко перебирая короткими руками и ногами, попытался вскарабкаться на камни.

— Куда лезешь, шею же сломаешь! — сердито прикрикнул на него Хэли, заставив присмиреть, и юркнул в узкую расщелину между камнями. — Наказание ходячее... Жди там!

Вскоре Лао Сань увидел, как из-за валунов показался Хэли, бережно сложив ладони лодочкой. Малыш так и просиял от восторга. Сделав несколько быстрых шагов навстречу брату, Хэли уже собирался выпустить добычу, но вдруг осёкся и уставился на шею ребёнка в полном ошеломлении.

— Откуда... Откуда это у тебя?!

На шее Лао Саня красовалась точно такая же узорчатая золотая гривна. Хэли ошарашенно уставился на неё:

— Где ты её взял?!

— Так это тот господин Цзян подарил.

— Быть не может!

В голове у Хэли помутилось, земля уплывала из-под ног, но он упрямо заладил:

— Он подарил её только мне! Откуда она у тебя?!

— Да не только у меня, у близнецов тоже есть, — заметив, как побледнел брат, Лао Сань озадаченно склонил голову. — Чего тут странного? Матушка говорит, что нам всем прислали одинаковые подарки. И только у старшего брата подарок особенный! Тот господин Цзян, верно, приметил, какой у нас старший брат красавец, и хочет выйти за него!

Для Хэли это стало сокрушительным ударом. Руки его бессильно разжались, и несчастный сверчок, вырвавшись на волю, мгновенно скрылся в траве. Лао Сань с криками бросился ловить беглеца, но тщетно. Когда же он вернулся назад, у горки уже никого не было — лишь на земле сиротливо поблёскивала брошенная золотая гривна.

— Паршивец неблагодарный! — тётушка-наложница Чжоу, размахивая перьевой метёлкой, гонялась за сыном по всей комнате. — Настоящее золото просто так взять и выбросить?! На мою погибель вырос! Ни гроша за душой, а гонору-то! Ты кем себя возомнил? Неужто и впрямь поверил, что ты в этом доме ровня господам?!

Хэли с визгом скакал через мебель, уворачиваясь от ударов:

— А почему я не господин?! Я тоже ношу фамилию Ци, я тоже сын своего отца!

— Ах ты, мартышка, ещё и огрызаешься! Мало ли на свете тех, кто зовётся Ци! Да только рождённые нами дети ломаного гроша не стоят! Всё богатство в этой усадьбе отойдёт твоему старшему брату, а тебе радоваться надо, если при разделе хоть крохи серебра перепадут. А ты ещё и добром разбрасываешься, негодник!

— С какой стати?! — Хэли резко замер и в ярости топнул ногой. — Почему мне ничего нельзя?! Почему всё вечно только ему одному?!

— А потому, что нужно было выбирать, в чьём чреве родиться! Кто виноват, что у твоей матери нет ни знатного имени, ни богатой родни?! — наложница Чжоу больно схватила сына за ухо и поволокла к выходу. — У меня нет денег, чтобы здешних слуг на побегушках держать. А ну марш на улицу! Ищи свою гривну! Пока не найдёшь, на порог не пущу!

Вытолкав сына за дверь, она заперла засов.

Обиженно сопя, Хэли поплёлся к каменной горке. Он ещё не успел толком начать поиски, как вдруг заметил, что в узорчатой восьмиугольной беседке на самой вершине сидят двое. Позади них выстроилась целая толпа слуг и служанок.

— А здешний сад на редкость хорош, — донёлся сверху незнакомый голос. — В моей усадьбе есть похожий. В следующий раз я буду принимать гостей у себя, и ты просто обязан прийти, отказов не приму.

Другой собеседник мягко рассмеялся:

— В таком случае непременно приду нарушить твой покой.

Услышав этот смех, Хэли замер. В памяти его мгновенно отозвалось то самое мимолётное воспоминание. Ведь он слышал от Цзян Мэнчжэня всего одну короткую фразу, да и та предназначалась не ему, но этот чистый, напевный голос врезался в его память так глубоко, что теперь его невозможно было ни с чем перепутать.

— И чай отменный, и вид прекрасный — не слагать ли нам стихи в лад друг другу?

— С радостью разделю столь изысканную забаву. Прошу, Таоюань, задай нам рифму.

Притаившись за валунами, Хэли слушал, как они поочерёдно складывают строфы. Доносившиеся обрывки фраз он понимал лишь наполовину: они пели то ли о величии гор, то ли о ветвях деревьев. Спустя некоторое время тот, кого звали Таоюань, стал запинаться и отвечать всё медленнее, в то время как голос Цзян Мэнчжэня звучал по-прежнему ровно, неторопливо и уверенно.

— Ох, неужели я снова тебе уступлю? — У Сисчунь в шутливой досаде постучал себя по лбу, а затем, весело прищурившись, всплеснул руками: — Точно! Разве среди молодых господ Ци нет признанного книжника? Почему бы не позвать его к нам? Если ты превзойдёшь его в поэтическом слове, я признаю твоё первенство без единого возражения!

Цзян Мэнчжэнь нерешительно отозвался:

— Но ведь мы в гостях, да и приличия... Вдруг это сочтут неуместным?

— Чего тут бояться? Средь бела дня, у всех на виду, да под присмотром десятка няnek и служанок — что дурного может случиться? В вашем поместье маркиза порядки чересчур строгие. В столице и гээр, и барышни преспокойно гуляют по улицам, и никто слова худого не скажет, если рядом есть слуги.

— Ну хорошо, — уступил Цзян Мэнчжэнь и, немного подумав, повернулся к служанке: — Ступай и пригласи также старшую барышню Ци.

— Ну и осторожность! Истинный благочестивый муж, пример для всех нас!

Сжавшись за валунами, Хэли молча рвал траву под ногами. В груди разлилась горькая, удушливая обида. Даже когда наложница Чжоу нарочно подначивала его ненавидеть брата, он не чувствовал ничего подобного. Теперь же зависть обрела острые грани, глубоко вонзаясь в душу. Прежде он не думал о разнице между ними. Пусть вокруг твердили о пропасти между законными и побочными детьми, пусть твердили, что Ци Фэнцзю умнее его в тысячу раз — Хэли лишь отмахивался и продолжал бездельничать. Но сейчас, когда эта невидимая черта пролегла прямо перед его глазами, на него обрушилась лавина горьких истин. Никогда ещё он не чувствовал себя таким ничтожным. Лишь сейчас он в полной мере ощутил весь яд чужого пренебрежения.

Вскоре подошли Ци Фэнцзю и Ци Цюэцяо. Цзян Мэнчжэнь вежливо представил их друг другу. У Сисчунь, чуждый ложной скромности, сразу взял слово:

— Слава о старшем молодом господине Ци гремит повсюду. Сегодня я вижу, что вы и впрямь человек редкого таланта и изысканного слога.

Ци Фэнцзю, как и подобает воспитанному человеку, поспешил откланяться и выразить ответную скромность. У Сисчунь весело продолжил:

— Мы тут состязались в сложении строф, и я как раз зашёл в тупик. Не соблаговолит ли старший молодой господин продолжить нашу песнь?

Фэнцзю ненадолго задумался и почти сразу же продекламировал продолжение — безупречное и лёгкое.

— Великолепно! Слава о вас действительно заслужена! — В голосе У Сисчуня зазвучало искреннее восхищение. — Эти слова словно разогнали туман в моей голове, теперь и я могу продолжить!

Цзян Мэнчжэнь мягко поддакнул:

— Эта строка изящно и легко переменяла всё настроение стиха. Мне бы подобная лёгкость и в голову не пришла.

Все трое увлеклись игрой. Ци Цюэцяо тоже изредка вставляла слово-другое. Внезапно, без всякого предупреждения, с неба хлынул тёплый летний дождь.

— Шумит восточный ветер, мелкий дождь струится, над лотосовым омутом грохочет дальний гром, — тихо продекламировал Цзян Мэнчжэнь, лоя ладонью прохладные капли. — Кажется, сама природа решила подарить нам вдохновение.

Пока они вчетвером сидели в сухой беседке, весело беседуя под шум дождя, Хэли стоял внизу у подножия горки. Вода лила на него ручьями, превращая в мокрую курицу, но этот жалкий вид

был ничем по сравнению с той бурей, что бушевала в его груди. Старший брат без малейшего труда складывал искусные строфы, очаровывая гостей, в то время как Хэли даже не понимал смысла их речей. Куда ему до Фэнцзю! Он уступал даже собственной сестре.

И если только что в нём klokотали злость и ревность, то теперь от них осталась лишь глухая, унылая пустота. Он безвольно замер под струями дождя, содрогаясь от пронизывающего холода, проникшего в самую душу.

— И где тебя только носили черти? Довёл себя до непотребства!

Тётушка-наложница Чжоу, лениво грызя семечки, крикнула в сторону дверей:

— Яньчжи! Шуйфэнь! Живо согрейте воды для второго молодого господина!

Вскоре продрогшего до костей Хэли служанки утащили в мыльню. Он сидел в деревянной бадье, безучастно позволяя оттирать себя от грязи. Шуйфэнь грубо вытянула его худую руку, намылила её пахучим мылом, а закончив, просто отпустила. Рука с плеском рухнула в воду, подняв тучу мыльных брызг, залепивших Хэли лицо. Он растерянно взглянул на девушку, но на её лице читалось лишь безразличное равнодушие — будто она мыла не молодого хозяина, а какую-то грязную скотину.

Хэли часто заморгал, прочищая защепававшие глаза. Мыльная вода стекала по щекам. Ему вдруг вспомнилось, как Шуйфэнь однажды столкнулась в саду с его старшим братом. Её щёки тогда вспыхнули маковым цветом, и она потом несколько дней ходила сама не своя, глупо улыбаясь, пока Яньчжи не отчитала её как следует. Посмела бы она вести себя так небрежно, если бы в бадье сидел старший брат? Да никогда в жизни. Она бы пылинки с него сдувала и следила за каждым движением, лишь бы не доставить молодому господину ни малейшего неудобства.

«Выходит, феникс и воробей — птицы разного полёта, — с горечью подумал он. — Даже служанки в этом доме смотрят на меня свысока»

— Слыхала? — Шуйфэнь понизила голос, склонившись к Яньчжи. — После полудня старший молодой господин ходил в Павильон Слушания Дождя.

Яньчжи, втирая пену от мыльного корня в мокрые волосы Хэли, недовольно зыркнула на подругу:

— Тебе-то какое до этого дело?

— Тьфу на тебя! Прозябай в этой конуре дальше, посмотрим, куда тебя это приведёт!

— Какая разница, участь у нас всё равно одна, — Яньчжи отвернулась, чтобы взять гребень, но руки её массировали голову мальчика на редкость мягко. — А те, кто метит слишком высоко, рискуют упасть так, что костей не соберут.

Шуйфэнь была миловиднее Яньчжи, а потому и гонору у неё было хоть отбавляй. Она недовольно фыркнула:

— И тебе не обидно вечно ходить за этим...

— С ума сошла, дура! — вспыхнула Яньчжи и плеснула ей в лицо тёплой водой. — Что за бред ты несёшь при молодом господине!

Шуйфэнь плеснула в неё водой в ответ:

— Да он же ещё совсем цыплёнок, разве он что-то смыслит? И раз это глупости, то с чего ты так вспыхнула?

— Ах ты, девка паршивая! Я тебе сейчас язык-то укорочу!

Девки с визгом принялись бегать друг за другом, заливая водой весь пол. Хэли безучастно сидел в бадье. Вскоре вода совсем остыла, и он непроизвольно чихнул. Только тогда служанки спохватились, что забыли про своего подопечного, и поспешили вытащить его наружу.

Шуйфэнь усадила Хэли перед туалетным столиком и принялась грубо тереть его волосы холстом. От её резких движений голова мальчика моталась из стороны в сторону, а кожа на затылке горела огнём. Вскипев от злости, он резко оттолкнул её руку и спросил:

— Скажи, Шуйфэнь, неужели старший брат действительно настолько хорош?

Служанка от неожиданности опешила, но страха перед ним не испытала. Небрежно встряхнув полотенце, она ответила:

— Конечно хорош. Старший молодой господин и нравом кроток, и лицом пригож.

Хэли невольно вспомнил слова младшего брата: «Матушка говорит, тот господин Цзян, верно, приметил, какой у нас старший брат красавец, и хочет выйти за него!»

Он порывисто развернулся к зеркалу, жадно разглядывая собственное отражение. На него смотрело лицо с густыми, тёмными бровями и живыми, блестящими глазами. Однако мужские черты всё ещё тонули в детской округлости щёк, а худое тело напоминало гибкую, неокрепшую веточку ивы. То был самый неловкий возраст, когда детство уже ушло, а юношеская стать ещё не успела налиться силой.

— Сестрица Яньчжи, а я... я красивый?

Шуйфэнь приснула со смеху, а Яньчжи мягко улыбнулась:

— Ох, молодой господин, что это с вами сегодня стряслось? Вдруг о красоте беспокоились! А как же ваши вечные игры, когда вы уносились на улицу, даже забыв причесаться?

Как говорится, «познав прелесть красоты, юноша устремляет свои думы к прекрасному». Тот единственный, мимолётный взгляд из-за садовой стены заставил беззаботного Хэли в один миг прозреть. Вещи, на которые он раньше не обращал внимания, теперь открылись ему с пугающей ясностью.

— Ваша матушка — знатная красавица, так что и вы, второй молодой господин, лицом в неё пошли. Обязательно вырастете писаным красавцем.

— Да она вам льстит! — ядовито вставила Шуйфэнь. — Вы же целыми днями на солнцепеке носитесь, обгорели, точно чайное яйцо! Где уж тут красота?

Хэли вспомнил бледное, изнеженное лицо старшего брата. Разозлившись, он схватил со столика лаковую коробочку, инкрустированную перламутром, и принялся густо размазывать по щекам душистые белила своей матушки.

В этот момент полог приподнялся, и в комнату вошла наложница Чжоу. Увидев, что служанки покатываются со смеху, она с криком: «Добро переводишь, паршивец!» подскочила к сыну, схватила его за затылок и без лишних церемоний окунула лицом прямо в таз с холодной водой.

Перед тем как лечь спать, Хэли заметил на невысоком столике у кана яркий отблеск. Присмотревшись, он изумлённо замер: на дереве лежала та самая узорчатая гривна, которую он днём выбросил в траву!

— Где ты её нашла?

— Добрые люди подобрали да вернули. Считаю, легко отделался, а не то я бы с тебя живьём шкуру спустила!

— Кто? Младший?

— Какое там младший! Принесла служанка того молодого господина Цзян, Биянь её звать или как-то так, — наложница Чжоу любовно погладила изящное украшение и довольно прижмурилась: — Вот видишь, твоё от тебя не уйдёт. Значит, судьба.

Хэли ничего не ответил. Он молча забрал гривну из рук матери, бережно прижал к груди и забрался на кан. Дневная злость давно испарилась. Поглаживая пальцами холодное золото, он вдруг почувствовал, как к горлу подкатывают горькие, обидные слёзы. Лишь теперь, после всего произошедшего за день, он с беспощадной отчётливостью понял: эта гривна, скорее всего, так и останется единственной вещью, которая связывает его с Цзян Мэнчжэнем.

<http://bllate.org/book/19598/2002398>